
Анна Ветрова
Под испанским солнцем
Вкус первого лета
18+

Анна Ветрова
Вкус первого лета

https://litres.ru/74715514
SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцать лет, чемодан, три тысячи евро — и красное платье, которое мать назвала бы неприличным. Лусия Вега приезжает в Марбелью работать на чужих праздниках, а попадает на свой: закрытая вилла, море, шампанское и Диего Монтес — мужчина, привыкший получать всё без усилий. Он думает, что нашёл её. Она думает, что нашла свободу.

Но у Диего есть прошлое по имени Изабель, у Лусии — страх раствориться в чужой любви, а на пляже уже ждёт загорелый серфингист, который не обещает ничего, кроме лёгкости. Одно лето, три города, две ошибки и один вопрос: можно ли любить, не теряя себя?

«Вкус первого лета» — история о страсти, ревности и о том, как трудно выбрать себя, когда тебя выбирают двое.

Содержание

Глава 1. Девушка в красном платье 4
Глава 2. После полуночи 14
Глава 3. Правила соблазна 25
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Анна Ветрова
Вкус первого лета

Глава 1. Девушка в красном платье

Зеркало в маленькой комнате над кухней было старым, со сколотым уголком и тёмными пятнами по краям, но Лусия Вега любила его больше всех вещей, которые привезла с собой из Севильи. Оно отражало её по пояс, и этого хватало. Она повернулась боком, потом спиной, оглянулась через плечо и улыбнулась самой себе: красное платье сидело идеально — ни одной лишней складки, ни одной морщинки.

Оно было коротким, очень коротким, как раз настолько, чтобы мать назвала его "неприличным", а сама Лусия - "правильным". Тонкая ткань легко скользила по бёдрам, открытые плечи ловили последний свет, падавший из окна, а тонкие бретели держались так, что каждый шаг становился маленьким вызовом. Она распустила тёмно-каштановые волосы, и они упали на спину тяжёлой волной. Подвела глаза, оставив губы почти нетронутыми: в них было достаточно цвета.

За окном шумела Марбелья. Пахло нагретым камнем, жасмином и жареными морепродуктами из ресторанчика внизу. Двадцать лет, чемодан, три тысячи евро сбережений и

обещание организатора мероприятий, что для неё найдётся место. Лусия сунула ноги в босоножки на высоком каблуке, пристегнула ремешки и вышла в вечер.

Вилла стояла на холме, и к ней вела дорога, обсаженная кипарисами. Белые стены светились в сумерках, на террасах горели фонари, а из-за ограды уже тянулась музыка, лёгкая и ленивая, как дыхание разомлевшего на солнце зверя. У ворот толпились девушки в вечерних платьях, но ни одна из них не выглядела так, как она.

- Ты новенькая? - окликнули её сзади.

Лусия обернулась. Перед ней стояла девушка с каре каштанового цвета и фотоаппаратом на шее. На ней были шорты и свободная белая рубашка, завязанная узлом на талии. Она оглядела красное платье с головы до ног и присвистнула.

- Если ты пришла работать, тебя уволят через час. Если пришла гулять, этот вечер запомнят все.

- Я пришла работать, - улыбнулась Лусия. - Но спасибо, что предупредила.

- Кармен, - девушка протянула руку. - Фотограф, подруга всех, кого здесь стоит знать.

- Лусия.

- Ну что ж, Лусия. Пойдём. Я покажу тебе, где в этом доме прячут лучшее шампанское.

***

Мероприятие организовывали для сорока гостей, и Лусия получила чёткую задачу: встречать приглашённых, про-

вожать к столам, следить, чтобы никто не скучал. Старшая по команде, сухая женщина лет сорока пяти, сначала посмотрела на её платье с сомнением, потом пожала плечами: на таких вечеринках внешность тоже была частью работы.

Дом оказался похож на кинодекорацию: высокие потолки, стеклянные двери во всю стену, лестница из светлого камня, бассейн, подсвеченный изнутри бирюзовым светом. Вокруг него расставили низкие диваны и столики со свечами. Гости, загорелые и расслабленные, переговаривались вполголоса, и в их смехе слышались деньги.

Лусия работала легко. Она улыбалась, поправляла салфетки, подсказывала путь к бару. Мужчины провожали её взглядами, и она замечала их все, но не показывала этого. Ей нравилось быть замеченной. Нравилось, что взгляды скользят по плечам и ногам, а она идёт ровно, не торопясь, и позволяет им это.

- Эта вечеринка организована превосходно, - сказал кто-то по-английски, и она обернулась.

Седой мужчина с бокалом смотрел на неё с вежливым интересом. Она ответила тем, что полагалось: поблагодарила, предложила закуски. Он кивнул, хотел что-то добавить, но его перебил другой голос, низкий, спокойный и очень уверенный:

- Оставьте девушку в покое, сеньор Фриз. Она работает.

Лусия подняла глаза.

В кухне для персонала было жарко и тесно. Повара кри-

чали друг на друга, подносы звенели, пахло чесноком, лимоном и горячим маслом. Кармен прислонилась к стене с бокалом, который ей, строго говоря, не полагался, и с любопытством наблюдала, как Лусия ловко уворачивается от официанта с тарелкой креветок.

- Ты здесь всего два часа, а на тебя уже смотрит половина мужчин, - заметила она.

- Это называется профессиональный вид.

- Это называется красное платье, дорогая. Не обманывай ни себя, ни меня.

- Тогда пусть смотрят. Мне за это не платят меньше.

Кармен прыснула в бокал. Старшая по команде, которую звали Марта, возникла в дверях, как сухая тень, и негромко бросила:

- Вега, четвёртый стол. Сеньора в изумрудах просит воду без льда, а сеньор рядом с ней жалуется на музыку. Разберитесь.

Лусия кивнула, взяла графин и вышла в сад. Ночь стала гуще. Фонари теперь горели ярче, воздух пах цветущим апельсином и хлоркой от бассейна, а на дальней террасе кто-то смеялся громко и вызывающе. Она шла вдоль стола, расправив плечи, и платье мягко касалось бёдер при каждом шаге.

Сеньора в изумрудах оказалась грузной дамой лет шестидесяти с тяжёлыми золотыми браслетами. Она оглядела Лусию с ног до головы и сказала по-французски что-то корот-

кое и колкое своему спутнику. Лусия, у которой в школе была лучшая оценка по языку, ответила на безупречном французском, что вода без льда уже ждёт, а музыка будет потише через десять минут, потому что диджей вот-вот сменит набор. Дама приподняла брови, потом неожиданно улыбнулась и протянула ей двадцать евро.

- Оставьте себе, - тихо сказала Лусия. - Это не за деньги.

- Хорошее воспитание, - одобрила сеньора. - Редкость в наши дни.

Отойдя на несколько шагов, Лусия позволила себе выдохнуть и улыбнуться. Работа начинала ей нравиться: в ней было что-то азартное, как в игре, где нужно угадывать желания людей раньше, чем они сами их осознают.

Она остановилась у каменной балюстрады, чтобы поправить ремешок босоножки. Отсюда была видна вся вилла: огни, белые шатры, бассейн, похожий на кусок упавшего неба. И вдруг, без всякой причины, у неё мурашками побежало вдоль спины то особое, тревожное ощущение, когда понимаешь, что тебя разглядывают.

Она подняла голову и обвела взглядом террасу. Десятки лиц, десятки улыбок, чужие плечи и бокалы. Но среди них был один взгляд, который она нашла сразу, как находят знакомую звезду на тёмном небе. Высокий мужчина в белой рубашке стоял у колонны, засунув руку в карман, и не отводил глаз. Он не улыбался. Не пытался привлечь внимание жестом. Просто смотрел, спокойно и открыто, как человек,

которому незачем прятаться.

Лусия медленно выпрямилась. Могла бы отвернуться. Могла бы сделать вид, что не заметила. Вместо этого она чуть наклонила голову и ответила ему таким же прямым взглядом, а потом, не торопясь, пошла дальше, и спиной чувствовала, что он провожает её глазами до самого поворота.

***

Он стоял у края бассейна, и свет воды скользил по его лицу. Высокий, с тёмными волосами, чуть растрёпанными ветром, в белой рубашке с расстёгнутым воротом и закатанными рукавами. На запястье тускло блестели дорогие часы. Он не улыбался, но в глазах была усмешка, внимательная и цепкая, как у человека, привыкшего замечать всё.

- Диего Монтес, - сказал он, подойдя. - Это мой дом на сегодня и мой праздник. А вы?

- Лусия Вега. И я работаю на вашем празднике.

- Я заметил.

- Вы следили?

- Я смотрел, - поправил он. - Это разные вещи. Следят за теми, кто пытается что-то скрыть. Вы ничего не скрываете.

Она не отвела взгляд. В нём было что-то раздражающее: слишком хорошо знал себе цену. И что-то притягательное: слишком спокойно это показывал.

- Если вы хотите сказать, что красное платье на работе - это плохо...

- Я хочу сказать, что оно вам идёт. Это не комплимент.

Констатация.

Он взял с подноса бокал и протянул ей. Лусия покачала головой.

- На работе не пью.

- Тогда считайте, что вы уволены, - сказал он с самым серьёзным лицом. - На сегодня. Я организатор, мне можно.

Она рассмеялась, коротко и звонко, и этот смех ослабил что-то между ними. Диего улыбнулся впервые, и улыбка изменила его лицо: стала заметна ямочка на щеке, исчезла холодность.

- Пятнадцать минут, - сказала Лусия. - Потом возвращаюсь к гостям.

***

Музыка стала громче. Над бассейном зажглись гирлянды, и гости потянулись к площадке, где диджей поставил что-то медленное, тягучее, с испанской гитарой в основе. Диего взял её за руку, не спрашивая, и она позволила увести себя из тени на свет.

- Я не танцую с теми, кто мне не представился.

- Вы знаете моё имя и фамилию. Остальное - детали.

- Детали важнее всего.

Он положил ладонь ей на поясницу. Тонкая ткань почти не скрывала тепла его руки. Лусия почувствовала, как под кожей пробегает дрожь, и разозлилась: она не привыкла, чтобы тело отвечало раньше разума. Она положила пальцы ему на плечо и подняла подбородок.

Они двигались медленно. Он вёл уверенно, но не навязчиво, и в какой-то момент она поняла, что подстраивается под него сама. От него пахло так, как пахнет человек, который только что вышел из моря и успел выпить чашку кофе на ходу. Она слышала, как бьётся сердце, не понимая, чьё именно.

- Вы всегда так смотрите на девушек? - спросила она.

- Нет.

- А как?

- Обычно я не смотрю. Мне это незачем.

- Почему сегодня зачем?

Он наклонился чуть ближе. Дыхание коснулось её виска.

- Потому что вы единственная на этой вилле, кто не пытается мне понравиться.

Лусия засмеялась снова, но смех вышел тише. Музыка закончилась, и они остановились слишком близко друг к другу. Вокруг аплодировали диджею, кто-то смеялся, но ей казалось, что весь мир сжался до круга света у бассейна и тёмных глаз напротив.

- Мне пора, - сказала она наконец.

- Я знаю, - ответил Диего и не отпустил её руку ещё секунду.

***

Вечеринка закончилась после трёх. Последние гости разъехались, официанты собирали посуду, Кармен щёлкала затвором, поймав на камеру усталых и счастливых людей. Лу-

сия, сняв босоножки, шла по прохладной плитке, неся их в руке. Ноги гудели, но внутри пело что-то новое, не вполне понятное.

- Тебя подвезти? - Диего появился на ступенях веранды. Рубашка по-прежнему была расстёгнута, в руке он держал ключи.

- Мне недалеко. Пройдусь.

- Тогда я провожу.

- Вы организатор. Вам надо следить за порядком.

- Порядок прекрасно держится без меня. Они меня боятся.

- А я нет.

- Я заметил, - сказал он и пошёл рядом.

Они шли по дороге, обсаженной кипарисами. Ночь пахла солью и нагретой за день землёй. Внизу мерцали огни Марбельи, чёрное море лежало неподвижной плитой, и по нему тянулась лунная дорожка. Лусия несла босоножки и чувствовала ступнями тёплый асфальт.

У её дома они остановились. Узкая улица, белая стена, над дверью - старый фонарь, вокруг которого кружились мотыльки. Она повернулась к нему, чтобы попрощаться, и поняла, что слова закончились.

Диего поднял руку и отвёл прядь волос с её лица. Пальцы коснулись щеки, скользнули к шее. Он не торопился. Он спрашивал без слов, и она ответила, шагнув ближе.

Поцелуй начался осторожно, почти вопросительно, а по-

том изменился. Её ладони легли ему на грудь, его руки обняли её за талию, и мир исчез. Остались его губы, тепло, запах моря и мысль, ясная и пугающая: этот человек сломает все её планы.

Когда они отстранились, она тяжело дышала.

- Спокойной ночи, Диего Монтес, - прошептала Лусия.

- Это не конец вечера, - ответил он тихо. - Это начало.

Она закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и стояла так, пока шаги на улице не затихли. Потом посмотрела на своё отражение в зеркале: растрёпанные волосы, горящие щёки, чуть припухшие губы. Красное платье, ставшее для неё чем-то большим, чем просто платье.

Она улыбнулась и впервые за долгое время не знала, что будет дальше.

Глава 2. После полуночи

Ресторан "Ла Сьерра" стоял на набережной, и Лусия нашла его не сразу: он прятался за аркой из бугенвиллей, под которой гудели вечерние голоса. Над входом горели тёплые фонари, а на террасе, среди белых скатертей и свечей, сидели те, кто умел ужинать красиво. Было девять вечера, и жара наконец отпустила город.

Диего прислал записку через Кармен: "Столик у моря. Если придёшь, буду рад. Если нет, всё равно буду ждать". Лусия прочитала и два дня притворялась, что ей всё равно. На третий вечер она стояла перед зеркалом и выбирала платье так долго, что Кармен, развалившись на её кровати, не выдержала:

- Надень жёлтое. Оно кричит "я свободна и опасна".

- Я не хочу кричать.

- Тогда надень чёрное и молчи. Это тоже работает.

Лусия надела жёлтое. Тонкое, лёгкое, чуть выше колена, с открытой спиной и узкими бретелями. Она собрала волосы наверх, оставив несколько прядей у шеи, и вдела в уши маленькие золотые кольца. Каблуки сегодня были ниже: она собиралась идти по камням набережной и не хотела спотыкаться перед ним.

Метрдотель проводил её сквозь зал. Она шла прямо, чувствуя на себе взгляды, и впервые за долгое время поймала

себя на том, что ищет только один.

Диего сидел у самой воды, спиной к морю. Он поднялся, увидев её. На нём была тёмно-синяя рубашка без галстука, и в этом простом цвете он выглядел старше и спокойнее.

- Ты пришла, - сказал он.

- Я передумала три раза. Последнее решение оказалось в твою пользу.

- Тогда я счастливчик.

***

Они заказали рыбу, запечённую в соли, холодный салат из помидоров и бутылку белого вина, которое подали в запотевшем ведёрке. Диего рассказывал о ресторане, о том, как открывал его восемь лет назад вместе с братом Раулем, как они ругались из-за каждого стола, а теперь не могут представить себя друг без друга. Лусия слушала и ловила себя на том, что ей нравится его голос и то, как он говорит о деле: без хвастовства, с тихой гордостью.

- А ты? - спросил он. - Почему Марбелья?

- Потому что в Севилье меня знают слишком хорошо. Там я "дочка Софии из бутика" и "та девочка, которая слишком громко смеётся". Здесь я просто Лусия.

- Ты не просто Лусия.

- Это комплимент?

- Это наблюдение, - улыбнулся он.

Она открыла рот, чтобы ответить, но услышала лёгкий стук каблуков по плитке. К их столику приближалась жен-

щина: высокая, с идеально гладкими светлыми волосами, в тёмно-зелёном платье, облегающем фигуру как вторая кожа. Её взгляд скользнул по Лусии быстро и оценивающе, а потом остановился на Диего.

- Ты не позвонил, - сказала она. - Я ждала.

Диего не изменился в лице, но Лусия заметила, как чуть напряглись его плечи.

- Изабель. Я не знал, что ты в городе.

- Я всегда в городе, когда это нужно, - Изабель опустилась на свободный стул, не дожидаясь приглашения. - Не представишь меня?

- Лусия Вега, - сказала Лусия сама, ровным голосом. - А вы?

- Изабель Торрес. Старая подруга.

Слово "старая" она произнесла так, что в нём поместились все годы, ночи и воспоминания, до которых Лусии было не достать.

Принесли рыбу. Официант ловко разделал её на тарелке, и по террасе поплыл запах морской соли, лимона и розмарина. Диего положил ей лучший кусок, не комментируя, и она вдруг поймала себя на том, что ей приятно именно это: молчаливая забота без жеста и без расчёта.

- У тебя странная привычка, - сказала она.

- Какая?

- Ты не смотришь на часы. Все мужчины, которых я знала здесь, смотрят на часы каждые пять минут. Будто боятся

упустить что-то важнее разговора.

- Мне не нужно ничего упускать. Всё важное сидит напротив.

Она хотела ответить колкостью, но слова застряли. Над набережной загорались фонари, вдалеке плескалось море, и ветер нёс запах жасмина и тёплой воды. В бокале дрожал отблеск свечи, а у неё внутри всё дрожало так же. Она подумала, что в двадцать лет легко принимать красивые слова за правду. И тут же подумала, что в двадцать лет легко и не поверить правде, когда она слишком красива.

- Расскажи что-нибудь, чего про тебя не знают, - попросила она.

Диего усмехнулся, откинулся на спинку стула и посмотрел на звёзды.

- Я боюсь высоты. С детства. Я владею рестораном на седьмом этаже старого дома и каждый раз перед открытием не выхожу на террасу без Рауля.

- Это правда?

- Клянусь.

- Тогда ты не такой уж страшный, - улыбнулась Лусия.

- Я страшный, - серьёзно сказал он. - Просто ты ещё не знаешь, чего именно бояться.

Ветер шевельнул скатерть, и свеча качнулась. Лусия на секунду закрыла глаза, чтобы запомнить это мгновение: запах моря, звук его голоса, ощущение, что вечер только начинается и что он будет длиннее, чем ей хочется признать.

***

Изабель задержалась на двадцать минут, и каждая из них тянулась как час. Она заказала воду с лимоном и делала вид, что не замечает, как накаляется воздух. Она смеялась тихо, рассказывала Диего о каких-то общих знакомых, упоминала места, где Лусия никогда не была, и людей, имён которых не слышала. Время от времени она касалась его руки, небрежно, как человек, привыкший к этому праву.

Лусия молчала. Она ела салат, пила вино и чувствовала, как внутри что-то сжимается и обжигает. Ревность оказалась неприятным гостем: она приходила без приглашения и сразу располагалась как дома. Лусия ненавидела это чувство, потому что оно означало, что ей не всё равно.

Когда Изабель наконец поднялась, она наклонилась к Диего и поцеловала его в щёку. Задержалась на секунду дольше, чем требовала вежливость.

- Позвони мне, - тихо сказала она. - Нам есть о чём поговорить.

Потом повернулась к Лусии и улыбнулась с холодной любезностью:

- Приятно было познакомиться, девочка.

Лусия подождала, пока стук каблуков растворится в шуме набережной. Потом аккуратно положила салфетку на стол.

- Мне, пожалуй, пора.

- Лусия.

- Я не ссорюсь на первом свидании, Диего. Я просто ухо-

жу.

- Это не свидание, - сказал он, и она остановилась. - Свидание было бы спокойнее.

Лусия попыталась встать и уйти красиво, но стул предательски скрипнул. Диего поймал её взгляд и тихо сказал, что не станет удерживать, если она решит уйти, но попросит одного: выслушать до конца. Она села обратно, и этот маленький жест стоил ей больше, чем целая бутылка вина.

***

Они вышли на набережную. Море лежало тёмное и тихое, у причала покачивались лодки, и ночь пахла водорослями и жасмином. Лусия сняла босоножки и пошла босиком по тёплому камню, чтобы чем-то занять нервы.

- Мы расстались полгода назад, - сказал Диего, идя рядом. - Я не звонил ей и не писал. Она приходит, когда ей кажется, что я забыл. Она проверяет.

- И как? Ты забыл?

- Я не думал о ней уже много недель.

- Звучит как ответ человека, который думал.

Он улыбнулся и остановился, повернувшись к ней.

- Ты всегда так подозрительна?

- Я всегда внимательна. Женщины в зелёных платьях не приходят просто так.

- Она приходила сама, а я сидел с тобой. Это что-нибудь значит?

Лусия подняла на него глаза. Свет фонаря золотил его ску-

лы, а в тёмных зрачках отражалось море. Он стоял близко, но не касался её, давал выбор.

- Это значит, что ты хотя бы не врёшь, - тихо сказала она. - Не знаю, достаточно ли мне этого.

- Тогда позволь мне постараться.

Он поднял руку и осторожно взял её за запястье. Большой палец лёг на то место, где билась жилка, и Лусия почувствовала, как пульс ускоряется под его пальцами. Он видел это. Он ничего не сказал, только улыбнулся одними глазами.

***

Его квартира находилась над рестораном, на верхнем этаже старого белого дома. Лифт не работал, и они поднимались по узкой лестнице, смеясь и спотыкаясь, а потом молча, когда смех угас. Дверь он открыл не сразу, замешкавшись с ключом. Она заметила, что у него дрожат пальцы, и это тронуло её сильнее любых слов.

Внутри было тихо. Распахнутые окна выходили на море, и занавески шевелились от ветра. На низком столике стояла ваза с белыми цветами, на стене висела большая чёрно-белая фотография старого порта. Не было ни показной роскоши, ни дорогих игрушек. Только простор, свет лампы и запах дерева.

- Ты уверена? - спросил он, закрывая дверь.

- Если бы не была, меня бы здесь не было.

Он подошёл вплотную. Его ладони легли ей на плечи — тёплые, широкие, чуть шершавые от морской соли, — и

сдвинули тонкие бретели вниз. Ткань скользнула по коже медленно, будто нехотя, и Лусия почувствовала, как прохладный воздух коснулся плеч, ключиц, спины. Платье задержалось на бёдрах, и он не стал торопить его, дал упасть самому.

Жёлтый шёлк лёг к её ногам, и она осталась в тонком кружевном белье, которое вдруг показалось ей слишком откровенным и слишком недостаточным одновременно. Лусия не стала прикрываться. Она стояла прямо, подняв подбородок, и чувствовала, как под его взглядом кожа становится горячей — от шеи к груди, от груди к животу, — будто он касался её, хотя руки его висели вдоль тела.

— Ты невероятная, — выдохнул он.

— Я знаю, — ответила она, и в голосе прозвучало больше дрожи, чем ей хотелось.

Она потянулась к пуговицам его рубашки. Первая не поддалась — пальцы слушались плохо, — и он не помог, только смотрел, как она справляется, и в этом взгляде было столько терпения и голода, что у неё перехватило дыхание. Вторая пуговица выскользнула, третья поддалась. Она развела полы рубашки и положила ладони ему на грудь. Под пальцами — горячая кожа, жёсткие мышцы, быстрое биение сердца, которое она почувствовала раньше, чем услышала. От него пахло сандалом и горьковатым кофе, а когда она наклонилась ближе, уловила на его коже запах моря — тот, что остаётся после купания.

Он целовал её шею — медленно, с нажимом, чуть ниже уха, — и каждое прикосновение оставляло тёплый след, который расходился по коже, как круги по воде. Плечи, ключицы, ложбинку между ними. Лусия запрокинула голову, и он воспользовался этим, чтобы поцеловать её в изгиб шеи, туда, где билась жилка. Она услышала собственный вздох — короткий, удивлённый, — и не узнала свой голос.

Когда он поднял её на руки и понёс к постели, она засмеялась ему в губы, а потом смех оборвался вздохом: он опустил её на простыни, и они оказались прохладными, накрахмаленными, пахнущими лавандой и солнцем. Его тело было горячим, почти обжигающим, и этот контраст — холодная ткань под спиной, горячая кожа сверху — заставил её выгнуться навстречу.

Остатки одежды исчезли. Она не заметила, как он расстегнул бюстгальтер, как стянул трусики, — заметила только, что вдруг стала совсем нагой, и в свете лампы её кожа казалась темнее, чем обычно, а тёмные волосы рассыпались по подушке. Он приподнялся на локте и посмотрел на неё. Не торопясь. Не пропуская ни одного места — плечи, грудь, живот, бёдра. Лусия почувствовала, как под этим взглядом внутри что-то сжимается, и поняла, что боится не его, а собственного желания, которое оказалось сильнее, чем она думала.

— Не смотри так, — прошептала она, и он улыбнулся.

— Как?

— Будто я сейчас исчезну.

— Ты не исчезнешь.

Он наклонился и поцеловал её — глубоко, медленно, — и она перестала думать. Его руки были бережными и уверенными одновременно: одна легла ей на затылок, вторая скользнула по бедру, чуть сжимая, и Лусия выгнулась, зарываясь пальцами в его волосы. Он спрашивал без слов — нажимом, дыханием, паузой, — и она отвечала, прижимаясь всем телом, поднимая колено, находя его губы в темноте.

Время потеряло значение. Осталось только тепло его кожи, прерывистое дыхание у самого уха, имя, которое она шептала, не замечая этого. Она чувствовала, как внутри нарастает напряжение — от живота к груди, к горлу, — как оно становится почти невыносимым, и в какой-то момент он замедлился, дал ей выдохнуть, а потом всё началось снова, глубже и ровнее.

Она вскрикнула, вцепившись в его плечи, и собственный голос показался ей чужим — высоким, хриплым, счастливым. На секунду всё стало белым и звонким, а потом она услышала его дыхание, частое и горячее, у самого виска, и почувствовала, как он содрогнулся следом, прижимая её к себе крепче, чем нужно.

Потом они лежали рядом, переводя дыхание. Он гладил её по спине — медленно, лениво, от лопаток к пояснице, — а она слушала, как успокаивается его сердце, и смотрела на дрожащие тени потолка. За окном шумело море, и в комнате

пахло лавандой, солью и чем-то ещё, тёплым и живым.

— Это было неосторожно, — прошептала она.

— Это было необходимо, — ответил Диего, целуя её в висок.

Она закрыла глаза. Сон подступал мягкой тёплой волной. Последним, что она услышала, был тихий шорох ветра в занавесках и его голос, говорящий почти беззвучно:

- Не уходи утром.

Она не ответила. Но и не ушла.

Глава 3. Правила соблазна

Приглашение пришло на плотной кремовой бумаге, с золотым тиснением и запахом дорогих духов. "Закрытый вечер на вилле Эль-Мирадор. Дресс-код: белый и летний". Лусия вертела его в пальцах, сидя на подоконнике, и ловила себя на том, что улыбается.

- Это от него? - Кармен забралась с ногами в кресло, вертя в руках фотоаппарат.

- Это от агентства. Они хотят, чтобы я работала.

- Они хотят, чтобы ты выглядела так, будто пришла отдыхать. Это разные вещи, и платить за второе они готовы дороже.

Лусия засмеялась. Три недели в Марбелье изменили её: кожа потемнела от солнца, волосы выгорели на концах, а в походке появилась ленивая уверенность. Она научилась отличать настоящее серебро от посеребрённого, знала, какие бары пускают без очереди, и почти привыкла к тому, что просыпается иногда в чужой постели.

С Диего всё шло так, как не должно было идти по её правилам. Она не собиралась влюбляться. Она собиралась наслаждаться. Но каждый раз, когда он целовал её у двери, держал за руку на людях, смотрел так, словно кроме неё в комнате никого нет, правила рассыпались, как песочные замки.

- Ты прекрасно знаешь, что делаешь, - сказала Кармен,

наводя на неё объектив. - Улыбнись. Нет, не так. Представь, что у тебя есть секрет.

- У меня есть секрет.

- Какой?

- Что я боюсь его.

Щёлкнул затвор. Кармен опустила камеру и серьёзно посмотрела на подругу.

- Только не говори ему об этом. Мужчины любят, когда их боятся. Потом они зазнаются.

***

Пляж Плайя-де-лос-Монтерос был почти пуст в это время дня. Лусия лежала на полотенце, подложив руку под голову, в маленьком белом купальнике и тонкой накидке, сброшенной на песок. Солнце грело плечи, а море шептало где-то рядом, отступая и возвращаясь. Она не спала, просто лежала с закрытыми глазами, наслаждаясь тишиной.

Тень упала на лицо.

- Простите, - сказал мужской голос по-испански с лёгким акцентом, в котором слышались острова. - Вы заслоняете мне волну.

Лусия открыла один глаз. Над ней стоял парень лет двадцати семи, загорелый до цвета жжёного сахара, с копной вьющихся светлых от солнца волос и доской для серфинга под мышкой. Он улыбался так широко и беззаботно, что было трудно сердиться.

- Я лежу на песке, - сказала она. - Волна в море.

- Значит, я заслоняю вам солнце. Приношу извинения.

Он воткнул доску в песок и сел рядом на корточки. Капли воды стекали по плечам и груди, и она невольно проследила их взглядом. Он заметил и ухмыльнулся ещё шире.

- Алехандро.

- Лусия.

- Лусия, - повторил он. - Красивое имя. У нас на Майорке так называют маяк. Тот, что светит ночью.

- Вы всех девушек так подкатываете?

- Только тех, кто лежит на моём любимом месте.

- Я здесь первая.

- Я знаю. Потому и подошёл. Хотел посмотреть, кто занял мой пляж.

Она села, обхватив колени руками. Что-то в нём было совершенно непохоже на Диего: никакого напряжения, никакой потребности контролировать. Он просто был, как ветер или вода. Лусия поймала себя на мысли, что ей легко рядом с ним дышать.

Он спросил, как её зовут по-настоящему, и она не сразу поняла вопрос. Оказалось, что в детстве бабушка называла её Лусита, а соседские мальчишки Лу-Лу, и ни то ни другое не прижилось.

- А мне нравится Лусия, - сказал Алехандро, переворачиваясь на живот и подставляя спину солнцу. - В нём есть свет. Но и тень. Хорошее имя для человека, который не умеет быть простым.

- Я простая.

- Ты красиво врёшь.

- Это комплимент?

- Это зависит от того, кто слушает.

Они лежали рядом, не касаясь друг друга, и разговаривали о пустяках: о том, что в Андалусии помидоры слаще, чем на островах, что море бывает цвета сапфира, чая и старого стекла, что лучшие рассветы получаются у тех, кто не спал всю ночь. Время текло лениво. Чайка заходила над волной и кричала, как обиженный ребёнок. Лусия смеялась, и он смеялся вместе с ней, а потом вдруг сказал:

- Ты кого-то ждёшь.

- Нет.

- Ждёшь. У тебя взгляд человека, который ловит звук шагов.

- Я просто слушаю волны.

- Тогда не оборачивайся. Он идёт сзади.

Она резко повернула голову. Но на пляже никого не было: только песок, зонтик и мальчишка с надувным кругом. Алехандро расхохотался, и она ударила его ладонью по плечу, чувствуя, как краснеет.

- Дурак.

- Зато честный. Ты правда ждёшь, и это написано у тебя на лице крупными буквами.

Она хотела обидеться, но не смогла. Пляж, шум воды, чужая беззаботность вокруг делали обиду невозможной. Лусия

подтянула колени, обхватила их руками и впервые за день призналась самой себе, что действительно ждёт: звонка, шагов, голоса с едва заметной хрипотцой.

***

Диего позвонил вечером, когда она, переодевшись, красила ногти на балконе. Его голос в трубке звучал глуше обычного.

- Какие у тебя планы на выходные?

- Работа в пятницу, вечеринка в субботу.

- Отмени. Я хочу увезти тебя в Рому. Дом на скале, никого вокруг, только мы. Два дня.

- Звучит заманчиво.

- Это не заманчиво. Это правильно.

Она отложила кисточку и вытянула ногу, любуясь свежим лаком.

- Диего, ты спрашиваешь или сообщаешь?

- Я предлагаю.

- Ты приказываешь, просто вежливо.

На том конце повисла тишина. Потом он вздохнул.

- Ты права. Я привык, что люди соглашаются.

- Я к ним не отношусь.

- Я заметил, - сказал он, и она услышала, что он улыбается.

- Но я подумаю.

- Сколько времени тебе нужно?

- Столько, сколько нужно.

Она положила трубку, но улыбалась ещё долго. Ей нра-

вилось, что он умеет признавать ошибки, и нравилось, что внутри него всё равно остаётся то самое властное упрямство, с которым ей предстояло бороться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.